

НА ПРАВАХ РУКОПИСИ

ВДОВИЧЕНКО АНДРЕЙ ВИКТОРОВИЧ

Грекоязычные библейские тексты в предметной и дискурсивной моделях описания

**Специальность 10.02.19 —
«Теория языка»
и специальность 10.02.14 —
«Классическая филология, византийская
и новогреческая филология»**

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

МОСКВА 2014

Работа выполнена в секторе теоретического языкознания Федерального бюджетного государственного учреждения науки Институт языкознания Российской академии наук

Научный консультант — доктор филологических наук, акад.

Ю.С. Степанов

Официальные оппоненты:

Варзониин Юрий Николаевич, доктор филологических наук, профессор кафедры теоретической лингвистики, рекламы и коммуникативных технологий, филологический факультет, Тверской государственной университет (ТвГУ)

Гринцер Николай Павлович, доктор филологических наук, профессор, директор Школы актуальных гуманитарных исследований Российской академии народного хозяйства (ШАГИ РАНХиГС), заведующий кафедрой классической филологии РГГУ

Хухуни Георгий Теймуразович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории языка и англистики, Институт лингвистики и межкультурной коммуникации, Московский государственный областной университет (МГОУ)

Ведущая организация:

ФГБОУ ВПО Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, филологический факультет, кафедра классической филологии

Защита состоится «20» февраля 2014 г. в 11.30 на заседании диссертационного совета Д.002.006.03 по защите диссертаций на соискание степени доктора филологических наук при ФБГУН Институт языкознания РАН по адресу: г. Москва, Б. Кисловский пер., д.1, стр.1.
С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ФБГУН Института языкознания

Автореферат разослан « _____ » _____ 2014 г.

Ученый секретарь диссертационного совета,
кандидат филологических наук

А.В. Сидельцев

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

На фоне современных тенденций изменения понятий о лингвистическом объекте, вовлечения в сферу теоретизирования дискурсивных параметров, организующих вербальных текст, и признания их важным (основным) фактором лингвистической интерпретации естественного вербального материала, проблему, поставленную в данном диссертационном исследовании, можно обозначить как конфликт двух подходов (парадигм), используемых при описании библейских текстов, и шире, при описании любого лингвистического материала.

Доминирующий на сегодняшний день способ организации лингвистических фактов в непротиворечивую картину (или набор базовых принципов концептуализации, или теоретический подход, или парадигма описания и анализа) в случае библейских текстов не позволяет создать непротиворечивую модель лингвистической ситуации, в которой эти тексты создавались и функционировали, поскольку материал, обладающий очевидными аутентичными свойствами, превосходит возможности принятого способа концептуализации и соответствующего ему инструментария.

Базовые позиции подхода, выступающие в библейских лингвистических исследованиях как априорные данности, можно обобщить как мыслимые во взаимосвязи — 1) предметность понимания феноменов «языка», 2) логический и количественный принцип анализа феноменов «языка», 3) системность предметного элемента «языка». Так, в существующих рассуждениях о лингвистической природе Септуагинты и текстов «новозаветного койнэ» данные позиции, интегрированные в существующую описательную схему, в обобщенном виде проявляют себя следующим образом. *Предметность* понимания материала следует из первой очевидности — «язык» представляется интерпретатору в виде написанных и произносимых текстов (или «слов»). Из очевидного и несомненного объекта следует естественная ориентированность процедуры описания на вербальную составляющую текста (предметный элемент «языка»). Здесь *логико-количественный принцип* требует искать и находить именно в словах, их частях и их комбинациях, кванты языкового процесса (или монады элементарного смысла, единицы измерения общей словесной суммы). Поскольку, согласно требованиям этой описательной парадигмы, именно в вербальной предметности содержится воспринимаемый смысл, то данный констатируемый набор единиц не может не представляться исследователю упорядоченной *системой, правильно работающим механизмом смысловыражения, сосюрговским языком*.

Между тем реальный процесс генерирования и восприятия вербальных действий (в т.ч. в письменных текстах) выводит исследователя за пределы вербальной предметности, вербальной системности и существующего точного метода их описания, построенного на античном принципе «знак-

значение». Невербально мыслимая, параметрируемая говорящим/пишущим ситуация коммуникативного действия обеспечивает несамотождественность и неавтономность предметных единиц языкового процесса. Традиционный материал лингвистики — вербальный элемент — предоставляет недостаточно твердую почву для адекватного моделирования реального процесса устной или письменной вербальной коммуникации: выделяемые «единицы» не имеют искомого значения сами по себе, обнаруживая невозможность быть вписанными в непротиворечивую картину логико-количественными методами. Преодоление базовых позиций лингвистического моделирования, ведущих свое происхождение от античной, или предметной, модели языкового процесса, составляет, на наш взгляд, содержание магистрального направления современной лингвистической теории. В русле данного направления в настоящее время формируется дискурсивный подход и соответствующая дискурсивная (коммуникативная) модель описания фактов естественного языкового процесса. Применение этой модели к библейскому материалу позволяет снять очевидные неточности, странности и противоречия, возникающие при использовании предметного метода лингвистического описания.

Актуальность настоящего исследования может быть засвидетельствована как в области *общей лингвистики*, так и в сфере *специальных исследований* конкретного лингвистического материала — корпуса текстов Септуагинты и Нового Завета.

В первом случае речь идет о необходимости выявить теоретический диссонанс между античной парадигмой (философией) языка, особенности которой зачастую проявляют себя в современных структурно ориентированных методах исследования, — и формирующейся коммуникативной (когнитивной, функциональной, дискурсивной) парадигмой, а также необходимости проанализировать генезис этих подходов. Их сущностное различие состоит в способе теоретизирования предметного элемента «языка», взятого на различных уровнях анализа.

Античный структурно ориентированный подход к лингвистическим фактам основан на априорном признании *объективности* предметного элемента языка, его автономности и самотождественности, следствием чего является соблюдение однозначно понимаемого принципа «знак–значение». Напротив, коммуникативный подход не мыслим вне *коммуниканта (субъекта речи)* с его перманентно осознаваемым *hinc et nunc* (следствием чего является концепция нетождественности знака). Так, если логическим завершением античной модели является обнаружение автономных значений отдельно взятого звука как минимального объективно существующего элемента речи, то коммуникативная парадигма предполагает невозможность смыслообразования в предметных единицах (звуках, словах, словосочетаниях, текстах) вне предварительной констатации того, что несловесно *мыслимо* за пределами (т.е. *до* и *вне*) вербальной формы — кто, где, когда, в каких мыслимых обстоятельствах, зачем производил вербальное действие. Факт явления семиотики, прагматики, когнитивистики, в которых

по сути теоретизируется принцип «плавающей» системы координат, утверждает необратимость эволюции лингвистического знания в направлении отказа от «объективности» и «самотождественности» выделяемых предметных элементов. В то же время в лингвистических практиках (теоретизирование, лексикография, перевод, этимология, лингводидактика и др.) во многом сохраняются прежние способы концептуализации элементов «языка» — ввиду, как представляется, концептуального смешения «объектных» и «коммуникативных» воззрений, которые исключают друг друга. Соответственно, в области лингвистической теории актуальным становится последовательный отказ от объективного принципа теоретизирования предметного элемента вербальной коммуникации, создание по возможности целостного коммуникативного основания для выделяемых объектов лингвистического анализа.

Во втором случае, в области исследований Септуагинты и Нового Завета, актуальность исследования очевидна на фоне ныне существующего диссонанса между результатами историко-культурно-религиозной интерпретации данных текстов, с одной стороны, и лингвистической, с другой. *Лингвистический* подход к анализу языковых феноменов грекоязычного Писания в качестве методологии описания унаследовал принципы античной предметно ориентированной парадигмы. В русле данного подхода со времени появления сравнительно-исторического (структурного в своих основаниях) метода производится детальное описание фактов языковой «ненормализованности» этих источников. Данная процедура состоит в рассмотрении вербальных клише грекоязычного текста в сравнении с аутентичными образцами эллинистической или классической греческой прозы, с оригинальным текстом еврейской Библии или возможных семито-язычных оригиналов, на фоне не вполне убедительного в своих основаниях процесса языковой интерференции, с однозначно предметным пониманием системных «языков», вовлеченных в лингвистическую ситуацию. В результате таких исследований оказывается невозможным отрицать, что языковые клише, которыми пользуется греческий текст НЗ и ЛХХ, представляют собой кальки и заимствования из древнееврейского или (разговорного) арамейского, соответственно, на грекоязычной почве эти единицы (и весь начиненный ими текст) должны быть признаны *нарушениями* аутентичного греческого строя языка. Как следствие, в области лингвистической теории, при приложении традиционных методов описания, текст греческого Писания (Септуагинты и Новозаветного корпуса) признаются малограмотными, ненормализованными, интерференционными, испорченными, просторечными и т.д. Прямо противоположная ситуация наблюдается в области *историко-культурно-религиозного* подхода. Здесь тексты еврейского Закона и Нового Завета заведомо не могут считаться ненормализованными, поскольку они составляют аутентичную принадлежность вполне определенной замкнутой в себе культурно-религиозной ситуации, локализованной в традиции грекоговорящей иудейской диаспоры, которая фиксировала особую практику создания и

функционирования священного текста и, естественно, не допускала и мысли об их ненормализованности. При этом совершенно очевидно, что для участников историко-культурно-религиозной ситуации, погруженных в аутентичную стихию лингвокультурной практики, ненормализованность использованных в текстах языковых клише была бы заметна гораздо более, чем любому современному интерпретанту (исследователю), изъятому из живой коммуникативной реальности, который, тем не менее, с готовностью констатирует факт языковой неполноценности иудейских и иудео-христианских текстов.

Нужно заметить, что доказательные базы, возникающие при применении каждого из этих подходов, настолько очевидны, что один подход полностью исключает другой. В этом диссонансе, по-видимому, следует винить лингвистическую сторону — а именно, использование неадекватной модели лингвистического описания, которая порождает теоретические объекты, непригодные для создания непротиворечивой лингво-культурной картины. Именно это обстоятельство актуализует создание и применение в данной области иных — коммуникативных — концептуальных инструментов.

Степень научной разработанности темы. Основные темы, обсуждаемые в исследовании, разработаны с различной степенью подробности в существующей литературе.

Изменение парадигмы лингвистического (и шире — гуманитарного) знания наиболее масштабно освещаются в работах Т. Куна, Ю.С. Степанова, Ю. Хабермаса, М. Мерло-Понти, Н.Д. Арутюновой, Е.С. Кубряковой, Я. Пинборга, В.М. Алпатова, Н.В. Уфимцевой, Е.Ф. Тарасова, Ю.А. Сорокина и мн. др. Разнообразная палитра новейших лингвистических подходов с их эволюционными тенденциями наиболее подробно освещается в работах В.З. Демьянкова.

В данном исследовании вводится ряд критериев, позволяющих представить процесс изменения лингвистической парадигмы в аспекте контрадикторности, заостренного противостояния точек зрения на единый объект. С этой целью на материале наиболее разработанных теоретических систем выделяются базовые принципы лингвистического моделирования, представляющие собой «подлежащие» лингвистических суждений — по большей части скрытые и необсуждаемые, принимаемые априорно как самоочевидные аксиомы. Сомнения именно в этом «очевидном», как показано в исследовании, становятся причиной изменения теоретической картины и всей лингвистической парадигмы описания вербальных фактов.

Логико-математический подход к анализу феноменов «языка», предметность в понимании феноменов «языка», системность предметного элемента «языка» так или иначе составляют средоточие лингвистической проблематики как до Ф.де Соссюра и Л. Блумфилда, так и после. Возможность выхода за пределы этих методологических схем содержится в магистральных направлениях современного лингвистического и общегуманитарного знания — семиотике, прагматике, когнитивистике,

психолингвистике, и соответственно, в различной мере освещается в работах, представляющих данные направления. В настоящем исследовании обсуждается ряд критериев, которые позволяют обрести некоторые принципы единства в русле общей коммуникативной парадигмы. Эти принципы сообщают дискурсивную этиологию предметным фактам, ранее получившим освещение в рамках предметной модели.

Дискурсивная парадигма описания лингвистического материала, обсуждаемая в настоящей работе, аккумулирует некоторые элементы направлений, известных под именами когнитивистики, функционализма, дискурсивного анализа (D. Blakemore, G. Brown, R. Barthes, W. Chafe, T.A. van Dijk, G. Yule, D. Schiffrin, M. Foucault, Ch. J. Fullmore, T. Givón, C. Hardy, W. Labov, R. Langacker, N. Phillips, P. Sériot, Н.Д. Арутюнова, В.Н. Волошинов (М.М. Бахтин), В.И. Карасик, А.А. Кибрик, М.Л. Макаров, О.Г. Ревзина и др.). Однако в отличие от них, *дискурс*, ставший определяющим для названия общего теоретического подхода, понимается в работе как *довербальная лично осознанная коммуникативная ситуация*, по отношению к которой вербальный текст является *развернутым предикатом*, состоящим из отдельных линейно-временных моментов, в отличие от понимания дискурса как «живой речи», «связного текста», «языка в языке» и пр. Ввиду того, что невозможно предъявить факты естественного языка вне осознанной коммуникативной ситуации (дискурса), дискурсивные параметры вербального материала (в т.ч. фреймы) рассматриваются в работе как его аутентичные сущностные признаки, вне которых факты естественного языка обращаются в искусственно созданный объект анализа и не могут считаться естественным лингвистическим материалом.

Языковые аспекты Септуагинты и текстов Новозаветного корпуса получили освещение в обширной литературе, которая представляет по преимуществу предметную парадигму описания. В русле коммуникативной парадигмы иудейские и иудео-христианские сочинения рассматривались, в основном, с точки зрения лингвистики текста, с сохранением прежних взглядов на природу языка и его элементарной структуры, но с несколько скорректированным понятием о внутренних связях текстовых единств, больших, чем предложение. Применение к указанным текстам дискурсивных принципов описания как основного метода осуществляется в настоящем исследовании впервые. Кроме того, впервые описан конфликт двух парадигм лингвистического описания (на основе конкретного языкового материала) как теоретическая проблема.

Цель исследования — сопоставить две модели описания лингвистического материала на основании текстов Септуагинты и Нового Завета, сформулировать дискурсивные принципы анализа и описания лингвистических феноменов и применить дискурсивную описательную модель к рассматриваемому материалу. В общем смысле целью является усиленное разрешение упомянутых проблем несоответствия — «модель vs материал» (модель лингвистического описания не соответствует свойствам материала) и «лингвистическое vs историко-культурно-религиозное»

(несоответствие между лингвистической и историко-культурно-религиозной интерпретациями).

Объектом исследования являются способы лингвистического описания текстов, составляющих корпус Септуагинты и Нового Завета, свидетельствующие о различии понимания и подходов к вербальным фактам.

Предметом исследования, в свою очередь, выступает лингвистический статус библейских текстов, сформулированный в рамках различных парадигм анализа.

Материал исследования составляют, с одной стороны, реальная речевая практика в различных видах и вариациях, предоставляющая почву для наблюдений и обобщений фактов естественного вербального процесса, а также работы по различным вопросам лингвистической теории (в т.ч. способам концептуализации лингвистических фактов), в полемике или в согласии с которыми высказываются теоретические позиции диссертанта. С другой стороны, материалом исследования являются конкретные источники, сопутствовавшие европейскому языкознанию на всех стадиях его эволюции, т.е. традиционные иудейские и иудео-христианские тексты, происходящие из среды грекоговорящей иудейской диаспоры (Септуагинта и Новозаветный корпус).

Для оформления дискурсивной модели описания лингвистического материала и приложения выработанных принципов к конкретным фактам естественного языка (корпус текстов Септуагинты и Нового Завета) в настоящем исследовании решаются следующие **задачи**:

1. определить ряд принципов, по которым парадигма лингвистического анализа может быть представлена как коммуникативная или предметная;
2. определить причину возникновения искусственных объектов лингвистического анализа (в т.ч. в области библейских языковых исследований), не отвечающих аутентичным свойствам естественного вербального материала;
3. определить причину возникновения противоречий в попытках концептуализации языка библейских текстов;
4. определить наиболее значимые понятия для исследования вербального материала в русле коммуникативной парадигмы;
5. дать оценку некоторым наиболее важным лингвистическим практикам описания и интерпретации текстов корпуса Септуагинты и Нового Завета;
6. установить концептуальные противоречия в области лингвистических исследований иудейских и иудео-христианских текстов, возникающих ввиду использования предметной модели описания;
7. проанализировать данные текстов и историко-культурной реальности с точки зрения дискурсивной модели описания; снять противоречия, возникающие при интерпретации текстов в рамках предметной модели;

8. определить лингвистический статус библейских текстов в рамках дискурсивной модели описания.

Научная новизна исследования. Исследование имеет целью сформулировать методологические (теоретические) принципы описания лингвистического материала, реализация которых применительно к текстам Септуагинты и Нового Завета существенно меняет ныне бытующий взгляд на язык и отдельные лингвистические феномены данных источников. В основании предлагаемой методологии лежит понятие дектического синтаксиса и дектической синтагмы, имеющих центральное значение для описания лингвистического феномена любого уровня анализа. Дискурсивная описательная модель оформляется как развитие и одновременно отрицание предметной модели. Последнюю характеризует логико-математический подход к лингвистической структуре, признание слова минимальной единицей языка, а также неактуализованность экземплифицируемых лингвистических феноменов (следствие логико-математического подхода). В результате применения предметной модели грекоязычные библейские тексты оказываются интерференционными, ненормализованными, внелитературными, малограмотными, разговорными. Взамен дискурсивная модель предполагает «логику коммуникации», т.е. типологию коммуникативных ситуаций как базовый принцип оформления лингвистической структуры, дектическую синтагму в качестве единицы речевой структуры, и актуализованность любого вербального феномена, т.е. вовлеченность материала в актуальную коммуникативную ситуацию, реализуемую устно или письменно. Понятие лингвистического материала претерпевает существенное расширение, вбирая ранее не признаваемые «лингвистическими» элементы, без которых лингвистическая структура не может быть адекватно выделена и описана. Теоретическое освещение получают понятия коммуникативной ситуации, момента коммуникативной ситуации, дектического синтаксиса и дектической синтагмы, вербального и невербального элемента текста, значения лексемы (как исключительно дектико-синтаксического феномена), предикторования (как всецело перформативного феномена), и др. В результате, при приложении данной описательной модели к материалу Септуагинты и Нового Завета, предлагается более реалистичная, чем ныне существующая, картина создания, восприятия и вторичного описания данных текстов, на фоне генезиса, традиции, аутентичной сферы функционирования. Статус «языка» этих источников претерпевает значительные изменения. Процесс создания и восприятия грекоязычных библейских текстов представлен в работе как традиционная архаизирующая литературная практика, принятая и нормализованная в грекоговорящих иудейских общинах диаспоры. Таким образом, исполняется теоретическая задача, не исполнимая при использовании ныне доминирующего метода описания (языковой строй Септуагинты и Новозаветного корпуса уже длительное время считается результатом деформации какого-то иного аутентичного строя и не осознается как дискурсивное единство и полноценная коммуникативная практика).

Предметный элемент этих источников, осознаваемый в дискурсивной теоретической системе координат, обнаруживает новые перспективы исследования. Многочисленные противоречия, возникающие в ныне существующих семито- и греко-ориентированной схемах описания, разрешаются при предлагаемом концептуальном подходе.

На защиту выносятся следующие положения:

1. В зависимости от способов рассмотрения базовых понятий лингвистической теории (язык, слово, звук, система, отношение мысли и слова и др.) существующие практики анализа и описания вербальных фактов (в т.ч. библейских текстов) строятся как словоориентированная (предметная) модель или как дискурсивная (коммуникативная) модель. Базовые принципы предметной модели описания библейских текстов, выступающие по преимуществу как априорные несомненные данности, представляют собой мыслимые во взаимосвязи — 1) предметность понимания феноменов «языка», 2) количественный логический (логико-математический) подход к анализу феноменов «языка» («речь есть мысль»; «сколько предметных знаков, столько значений»), 3) системность предметного элемента «языка». В отличие от предметной, дискурсивная парадигма строится на основе концептуализации естественных свойств вербального процесса: ситуативности, коммуникативности, когнитивности, акциональности.

2. Причиной возникновения искусственных объектов исследования в рамках предметной парадигмы является спонтанная констатация соответствия «слово—смысл», или «знак—значение», а также — признание тождества «мысль—слово», что не находит подтверждений в реальности речевого и мыслительного процессов.

3. Ныне доминирующая модель описания текстов библейского корпуса построена на принципах, противоречащих или не вполне соответствующих коммуникативной природе естественного вербального процесса. Причиной некогерентности существующих точек зрения является использование предметной модели лингвистического описания. Базовые понятия предметной модели описания библейских текстов, такие как: «язык» (как система предметных элементов), «слово» (как минимальная смыслообразующая единица естественного речевого процесса), «суждение» (как выражение мысли), вне дискурсивного (коммуникативного) принципа теоретизирования не эффективны и не применимы для представления аутентичной лингво-культурной реальности грекоязычных библейских (и иных) текстов.

4. Для адекватного описания лингвистических фактов библейских текстов центральным «моделеобразующим» понятием является осознанное автором действие в аутентичном коммуникативном пространстве (дискурсе); типология коммуникативных действий (типология деклических синтагм, включая уровень вербальных клише), известная аутентичным участникам ситуации, составляет основу для теоретического описания данного «языка».

5. Любой предметный элемент библейского текста при описании получает искомое тождество (может единообразно пониматься и

верифицироваться участниками языкового коллектива и вторичными интерпретантами) при условии воссоздания актуальной деклической синтагмы (комплекса мыслимых параметров, назначенных говорящим/пишущим при порождении актуального вербального действия).

6. Основным противоречием в сфере предметного описания грекоязычных библейских текстов являются неадекватно установленные отношения «автор-аудитория-вторичный интерпретатор», в соответствии с которыми автор не знает языка, на котором пишет; аудитория не учитывается автором как основополагающий элемент коммуникативного взаимодействия; вторичный интерпретант указывает аутентичным участникам лингвистической ситуации, на каком языке им следовало писать.

7. Для анализа и описания текстов Септуагинты и Нового Завета кардинальное значение имеют аутентичные условия создания и функционирования, или социо-культурно-религиозный фон, заданный грекоговорящей иудейской диаспорой (прежде всего, ее синагогальными лингвистическими практиками) и мыслимый авторами как участниками аутентичной коммуникативной ситуации (дискурса).

8. Если предметная модель описания грекоязычных библейских текстов ведет к признанию их интерференционности, семитизированности, малограмотности, мало- или внелитературности, то применение дискурсивной (коммуникативной) модели позволяет констатировать, что 1) «язык» Септуагинты и Нового Завета существует как особая *практика создания пророческого текста*, т.е. что он представляет собой в настоящем смысле особый способ организации текста со своими формальными особенностями, 2) что этот способ обладал свойством общепринятости в рамках определенной сферы использования (вне всяких сомнений, речь идет о литературном тексте), и что 3) у этого способа есть авторитетная литературная (и в целом культурно-религиозная) традиция, для которой он является аутентичным и в которой благодаря свойству общепринятости, адекватно реализовывал себя пишущий на этом «языке» и читающий на этом «языке» участник традиции.

Методологическая основа. Для анализа предметной модели описания лингвистического материала и формулирования некоторых значимых положений дискурсивной модели решающее значение имело наблюдение над способами теоретизации лингвистических объектов в различных специальных исследованиях. По мере того диссертант производил сопоставление засвидетельствованных способов теоретизирования с собственным опытом, полученным из практики преподавания древних языков и теоретических дисциплин, перевода и комментирования древних и современных текстов.

Практическая значимость. В данном диссертационном исследовании подчеркивается значение некоторых теоретических принципов, которые ранее не имели вовсе или имели иное методологическое значение для описания вербального материала. Различные лингвистические практики (теоретическое описание, компонентный анализ, этимология, перевод) при

реализации этих принципов получают иное значение и этиологию. Кроме того, практически значимым в культурном, историческом и религиозном аспекте оказывается новый лингвистический статус греческого Священного Писания, констатируемый в исследовании.

Структура работы.

Работа состоит из шести глав, введения, заключения и библиографического перечня.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении представлены все необходимые пункты, характеризующие диссертацию, а также основные принятые понятия и направление исследования. В частности, указывается, что проблемой, поставленной в диссертации, является конфликт двух подходов (парадигм), используемых при описании библейских текстов, поскольку доминирующий на сегодняшний день способ организации лингвистических фактов в непротиворечивую картину (или набор базовых принципов концептуализации, или теоретический подход, или парадигма описания и анализа) в случае библейских текстов не позволяет создать непротиворечивую модель лингвистической ситуации, в которой эти тексты создавались и функционировали. Причина этого видится в области методологии, создающей теоретическую ситуацию, в которой материал, обладающий очевидными аутентичными свойствами, превосходит возможности принятого способа концептуализации и соответствующего ему инструментария.

В *первой главе* рассматривается **лингвистический статус грекоязычных библейских текстов**, определенный в предметной описательной парадигме. Соответствующие взгляды и концепции, характеризующие сложившуюся предметную модель, представлены в работе в исторической перспективе (п.1.1). Констатируется, что вследствие итогового соединения материала (текстов НЗ и Септуагинты) с идеей нелитературного койнэ (в форме нелитературных папирусов) библейская филологическая наука была окончательно приведена в состояние неопределенности: точка зрения классицистов, для которой ранее было характерно литературное, «пуристское» отношение к новозаветному корпусу, получила аргумент в пользу греческой аутентичности текстов, но вместе с тем оказалась гораздо менее целостной ввиду невозможности, с одной стороны, отрицать связь этих текстов со стихией *нелитературного общегреческого койнэ*, якобы представленного папирусами, с другой, ввиду невозможности отрицать *литературность* значительного корпуса таких текстов, обнаруживаемых классицистами в следах *аттицизма*, с третьей стороны, ввиду невозможности оставить за пределами исследования огромное количество *семитизмов*, присутствующих в грекоязычных

библейских текстах. В работе констатируется, что истолковать этот конгломерат взаимоисключающих признаков библейского «языка» (*аутентично греческий текст vs семитизмы; нелитературный язык vs литературный корпус текстов; аттицизм vs нелитературное койнэ; семитизмы vs общегреческий язык*), при сохранении теоретических позиций нелитературного койнэ, по сей день не представляется возможным.

Теоретический выход, предлагаемый в рамках предметной парадигмы лингвистического описания и состоящий в идее малограмотности, или неконтролируемого, неосознанного билингвизма авторов/переводчиков библейских текстов, представляется автору работы некорректным, поскольку попытки исследователей представить непротиворечивую лингвистическую ситуацию сами собой сводятся к необходимости списать все неясности и странности языка на исследуемых участников лингвистической ситуации, которые, якобы, писали на языке, которого не знали (иногда намеренно выставляя себя «безграмотными писателями» — как с очевидностью понятно в случае ев. Луки) или дословно переводили (хотя не все и не всё).

Далее в работе дана **характеристика основных описательных подходов** к тексту Септуагинты и НЗ (п. 1.2), т.е. двух основных конкурирующих позиций: гебраистов и классицистов.

В работе констатируется, что эти направления объединены двумя главными положениями, а именно, признанием того, что: 1) авторы/переводчики создавали целевые тексты на *не-литературном греческом языке*; и признанием того, что 2) созданные ими тексты сохраняют следы какой-то *иной (не литературной греческой) стихии языка*.

Эти положения, как следует из представленной в работе теоретической диспозиции современных воззрений, лежат в основании как классицистских, так и гебраистских концепций «языка» библейских текстов.

Первое суждение следует из сопоставления (ионийско-)аттической литературной нормы, засвидетельствованной в аутентичных греческих литературных текстах, с любым текстом данного корпуса.

Второе суждение возникает как попытка объяснить происхождение очевидных «неправильностей» языка грекоязычных библейских текстов.

Два основных направления библейских филологических исследований (классицистское и гебраистское) возникают из попыток определить *причину*, вызвавшую нарушения (ионийско)аттической литературной нормы. Установливаемую ненормализованность языка библейских текстов исследователи пытаются приписать какому-то чуждому языковому влиянию двойко, обозначая, таким образом, границу между данными направлениями.

Так, в рамках *элиноориентированного (классицистского) направления* лингвистические феномены, воспринимаемые с точки зрения (ионийско-)аттической нормы как нарушения, связываются с аутентичным (на греческой почве) строем языка *койнэ*, или эллинистическим греческим. При этом понятие *койнэ* предполагает различие уровней этого языка, т.е. введение понятий литературного и разговорного койнэ, а также выделение

гипотетических территориальных особенностей койнэ, характерных для лингвистических практик различных регионов империи.

В рамках второго, *гебраистского*, направления, поиски причины «неправильностей» приводят исследователей к акцентированию арамейской (или даже древнееврейской) стихии письменного или устного языка, сказавшегося на итоговой форме грекоязычных текстов.

В работе отмечается, что две указанные тенденции являются *взаимоисключающими* в рамках принятой лингвистической методологии: *пословный перевод* не может рассматриваться как *аутентичный текст* на целевом языке (поэтому исследователь должен выбирать: либо пословный перевод, либо аутентичный текст); *греческий литературный язык* (литературное койнэ, ионийско-аттический диалект) не может рассматриваться как *семитизированный язык* (поэтому исследователь должен выбирать: либо аутентичный греческий, либо семитизированный); язык источников не может считаться одновременно *нормализованным* (литературным, традиционным), и *ненормализованным* (разговорным, просторечным, малолитературным, изобилующим случаями спонтанной интерференции; поэтому исследователь должен выбирать: либо «правильный», либо «неправильный» язык) и т.д. В результате принятия решения о лингвистическом статусе грекоязычных библейских текстов возникают суждения, прямо взаимоисключающие друг друга или внутренне противоречивые.

Последний возможный результат, которого позволяют добиться от материала существующие исследовательские схемы, сводится к констатации, что язык НЗ есть некая *греческая норма с включенными в нее нарушениями*. В такой формулировке уже нет строгих рамок, и такая теоретическая диспозиция дает значительный простор исследованиям, что, в свою очередь, находит выражение в том, что в качестве греческой нормы принимается любая сколько-нибудь подходящая, раз аутентичности в ней все равно нет. Таковой может выступать норма общегреческого *разговорного* койнэ, общегреческого *литературного* койнэ, и даже собственно литературного *аттического диалекта*, с неизменными, впрочем, *семитизмами*, не позволяющими тексту полностью нормализоваться на греческой почве.

Эта незавершенность схемы, вызванная не подвергаемым сомнению фактом семитизмов, заставляет исследователя прибегнуть к последнему аргументу — объявить авторов малограмотными, не знающими канонов и языка эллинской литературной традиции, писавшими на низкопробном языке повседневного общения.

В работе констатируется, что **вопросы методологии** лингвистического описания (п. 1.3) составляют главную причину возникшей в библейских лингвистических исследованиях неопределенности и противоречивости. Речь идет о недостатках теоретической сетки, которая проецируется на данные лингвистической ситуации.

Так, например, исследователь языка Септуагинты, в рамках общепринятого подхода, оказывается поставленным в следующую

теоретическую ситуацию. Сравнение аутентичных (классических и эллинистических) греческих текстов, описанных грамматикой греческого языка, и Септуагинты, которая создавалась как пословный (или максимально приближенный к оригиналу) перевод Еврейской Библии на греческий язык, делает вполне очевидным, что 1) в результате пословного перевода аутентичный текст на целевом языке возникнуть не мог, 2) строгая грамматика греческого языка не находит стойких подтверждений в тексте «греческого перевода», который по преимуществу обнаруживает кальки с древнееврейского, т.е. «нарушения» древнегреческой грамматики (на уровне морфологии, синтаксиса, семантики, идиоматики и комбинаторики), 3) «перевод на древнегреческий язык» не выдерживает никакой стилистической критики, с точки зрения стандартов аутентично греческой литературной практики. В результате исследователь, сопоставивший данные грамматики с данными текстов и обстоятельствами их возникновения, при вынесении суждений о лингвистической природе Септуагинты вынужден сопрягать несопряжимое: школьное понятие о правильности древнегреческого языка с очевидной нереализованностью его стандартов в тексте, греческие слова с их негреческими «значениями», священность текста с профанирующей «невразумительностью» его перевода, беспрецедентный объем совершенной работы с очевидной неспособностью переводчиков ее достойно исполнить, роль Книги Книг в грекоязычной иудейской диаспоре с грекоязычной внеграмматичностью текста, и т.д. Как следствие, применение абсолютизированного грамматического шаблона способствует формированию несколько снисходительного суждения о переводе и переводчиках: перевод является одним из первых опытов *sui generis*, нормы языка нарушены повсеместно, древнегреческий язык (как, впрочем, и древнееврейский) переводчики знали плохо, оригинал скопирован рабски дословно, уважения заслуживает старательность, целеустремленность и желание переводчиков принести пользу.

Похожая неясность присуща и понятию койнэ, которое территориальные, жанровые, временные и авторские факторы, а, кроме того, общегреческое полидиалектное состояние превращают в многообразие, не сводимое к оформленному единству и не применимое в качестве методологического инструмента.

В работе констатируется, что эти сомнения имеют прямое отношение к базовым принципам конституирования «языка» и методологии описания лингвистических фактов.

Во *второй главе* рассматривается **предметная парадигма описания лингвистического материала**, послужившая причиной некорректной модели грекоязычных библейских текстов. Формирование предметной парадигмы представлено в работе в исторической перспективе как последовательное введение в русло теории нескольких значимых принципов анализа и описания лингвистического материала. **Принцип предметности** (п. 2.1) состоит в признании прямой корреляции «знак-значение», предполагающей, что значение сопряжено с материальным носителем (звук,

слог, слово, словосочетание, предложение), а материальное тело знака тождественно мыслимо всеми говорящими на данном языке. При этом признание тождества знака как смыслоформального единства делает избыточными рассуждения о субъектных когнитивных процедурах смыслопорождения и смыслообразования в актуальном мыслительном и речевом процессе. **Логико-количественный (математический) принцип** (п. 2.2) состоит в отождествлении мысли и слова, а также в трактовке значения сказанного/написанного как суммы смыслообладающих знаков. **Принцип системности** (п. 2.3), в свою очередь, представляет собой признание регулярного характера отношений между предметными единицами речевого процесса различных уровней анализа, а также осмысление языка как механизма (структуры, системы), упорядоченного внутренними отношениями единиц. На основании этих принципов возникает **предметное описание языка** (п. 2.4), получившее широкое распространение в европейской традиции и окончательно зафиксированное в соссоровских воззрениях на язык как на системный объект исследования, вопреки реальной картине вербальной коммуникации. В работе подчеркивается, что в результате утверждения этих принципов описательная модель естественного лингвистического материала лишается аутентичных признаков, свойственных любому естественному вербальному процессу, а именно субъектности, когнитивности, коммуникативности, ситуативности, акциональности.

В *третьей главе* рассматривается **теория билингвизма в описании библейского текста как следствие применения принципов предметной парадигмы**. В работе подробно обсуждаются две наиболее известные статьи (авторы М. Сильва и Дж. Хорсли), специально посвященные лингвистическим вопросам библейских исследований и затрагивающие прямо или косвенно все дискуссионные аспекты статуса грекоязычных библейских текстов. В этих работах главным теоретическим инструментом является понятие язык, вбирающее в себя все характерные черты предметной парадигмы лингвистического описания.

Концепция билингвизма в теории библейского стиля (п. 3.1) представлена рассуждением М. Сильвы о соссоровской дихотомии «язык-речь» в ее отношении к библейским лингвистическим данным. Статья обнажает актуальную для библейской филологии оппозицию: аутентичный греческий язык *vs* семитизированный греческий язык. Возможность примирения существующих споров относительно характера языка иудеев, на котором написан НЗ, Сильва однозначно усматривает в соссоровском различении «языка» (*langue*) и «речи» (*parole*): язык, на котором писали НЗ авторы, является греческим, не подверженным семитскому влиянию, общим и единым для всех жителей империи. При этом конкретные тексты, созданные НЗ авторами, представляют собой образчики их *речи*, которая, таким образом, берет на себя ответственность за семитизмы, очевидно нарушающие нормы языка. В конкретных текстах НЗ авторов (т.е. в избыточной семитизмами *речи*) Сильва констатирует греческий язык,

ассоциируя такую *речь* с библейским *стилем*, тем самым, спасая *язык* от обвинений в неаутентичности.

Критика такой позиции, характерной для предметной парадигмы лингвистического исследования, осуществляется в работе на основании констатируемой методологической связи с общими лингвистическими воззрениями Соссюра (п. 2.4). Сильва фактически повторяет опыт Соссюра, выразившийся в итоговом ущемлении прав вербального коммуникативного процесса: как Соссюр для сохранения предметной теории, вопреки естественной коммуникативной реальности, постулировал в качестве главного объекта исследования не представленный в реальной коммуникации «язык», так Сильва, вопреки очевидным фактам «семитизмов», постулировал в качестве «языка» не представленное в новозаветных текстах греческое *койнэ*. Как Соссюр попытался вписать лингвистическую реальность в слишком тесные рамки предметной теории, добившись полного игнорирования естественных вербальных фактов, так Сильва попытался вписать лингвистическую реальность новозаветных текстов в соссюровскую методологическую схему, добившись игнорирования их подлинной специфики. В работе отмечается, что 1) отношения между семитизмами и аутентичным «греческим языком» остались у Сильвы не урегулированными. Так, соглашаясь с наличием семитизмов в НЗ тексте и признавая по этой причине восточное (семитское) происхождение авторов, он утверждает, что они говорили на общепринятом греческом языке. Остается неясным, можно ли считать язык НЗ текстов «общепринятым греческим», если по этим же текстам исследователь идентифицирует «восточное происхождение» их авторов; в том же ключе Сильва устанавливает по факту семитизмов «следы семитского сознания» авторов, но при этом видит в этих текстах греческий язык, который по той же логике должен свидетельствовать о «не запятнанном какими-либо следами *греческом* сознании»; 2) «греческий язык», как и любой язык, воспринимается Сильвой как идеальный соссюровский объект, существующий вне авторов и текстов. В своем рассуждении Сильва доказывает, что индивидуальные ошибки восточных людей не затронули этот идеальный объект, не навредили ему, не поменяли его сущность (языковую систему). Такой язык, следуя теоретической логике Сильвы, не нуждается в авторах и текстах, он существует сам по себе. В работе констатируется, что непоследовательность такого рода рассуждения состоит в том, что соссюровский язык (в данном случае представленный греческим) воссоздается по вполне конкретным параметрам (фонетическим, морфологическим, синтаксическим и др.), однако, в тех случаях, где те же параметры, составляющие характерный контур «языка», оказываются нарушенными (в НЗ текстах), Сильва игнорирует нарушения и, соответственно, не видит причин усомниться в существовании «общего и единого для всех языка»; 3) в своих рассуждениях Сильва предпочитает не замечать значительной меры *условности* большинства понятий, которые используются для описания лингвистической ситуации. Различные «языки» и их варианты, которые упоминает Сильва («койнэ, или чисто греческое койнэ,

александрийское и палестинское койнэ, общепринятый язык, язык папирусов, родной и чужой язык авторов, иудейский греческий, арамейский и древнееврейский языки»), уже в рамках данного перечня не представляют строго и определенно разграниченных сфер лингвистических фактов, а обособленное существование *различных* «греческих языков» прямо противоречит идее единства. Поэтому странным выглядит подспудный упрек, адресуемый авторам текстов, в том, что их главным недостатком было плохое владение теми «языками», которые в совершенстве известны современным исследователям. Сильва, таким образом, как будто не желает заметить относительность и вторичность понятия «язык», его мнемотехническую, дидактическую, вспомогательную ценность, но, напротив, вслед за Соссюром, рассматривает все «языки», о которых говорит, как строго организованные системы отношений предметных единиц;

4) наконец, декларативно отказывая НЗ тексту в билингвизме, но будучи не в состоянии отрицать факт семитизмов как след другого языка, Сильва снова прибегает для снятия противоречия к помощи соссюровской терминологии, трактуя НЗ лингвистическую ситуацию как *моно-лингвальную*, но *дву-речную* (т.е. не *дву-язычную*). Отказ от билингвизма вызван, по-видимому, его собственной интенцией находить в НЗ текстах «чистый греческий язык», в то время как семитизмы нельзя отрицать де факто. Результатом этого казуистичного рассуждения становится воссоздаваемый Сильвой причудливый генезис библейского стиля: последний возникает как следствие пользования греческим языком в среде малообразованных восточных людей с семитским сознанием.

Концепция языка в теории греческой аутентичности (п. 3.2) представлена в работе позицией Дж. Хорсли, который также опирается на концепцию языка как системы отношений смыслоформальных единиц. Он идентифицирует язык НЗ как просторечное внелитературное койнэ (отстаивая, таким образом, аутентичность греческого происхождения лингвистического материала), а семитизмы интерпретирует как явления интерференции, возникшие вследствие билингвизма авторов. Хотя главным объектом критики Хорсли является идея иудейского греческого как особого языка, в своем рассуждении он дает панорамную картину лингвистической ситуации, осмысленной в предметной парадигме и потому интерпретированной не вполне корректно.

В работе констатируется, что с позиций, заявленных Хорсли, создание и функционирование НЗ текстов (в т.ч. Евангелий) невозможно представить как полноценный литературный процесс, поскольку коммуникативная деятельность авторов в его интерпретации предполагает:

1) спонтанность («как говорили, так и написали»), в то время как создание любого письменного текста такого масштаба не может производиться в условиях нехватки времени для обдумывания используемых языковых моделей;

2) плохое знание языковых моделей, или «языка», на котором они писали («малообразованные упорные авторы»), в то время как плохо- или

малообразованные авторы не в состоянии создать столь обширный литературный корпус (новозаветные и около-новозаветные тексты различного авторства);

3) вопиющее пренебрежение аудиторией со стороны авторов и неадекватную реакцию со стороны самих читателей/слушателей («варварский текст для греческого читателя»), в то время как любой автор создает текст для предполагаемого читателя, учитывая вполне определенные читательские навыки и предпочтения в восприятии текста;

4) непричастность какой-либо литературной традиции, где такой способ создания текста был бы приемлемым и допустимым («никто и нигде не ожидал, что НЗ авторы могут *так* поступить»).

В работе отмечается, что странность ситуации, которую вводит Хорсли вслед за целой плеядой предшественников, заключается в том, что семиотическая система, используемая при создании НЗ текстов, согласно установленным Хорсли параметрам ситуации, не может считаться нормализованной в пространстве «автор-читатель-вторичный интерпретатор»: аудитория недоумевает по поводу «языка», на котором пишут авторы; авторы сами не знают «язык», на котором пишут; вторичные интерпретаторы знают «язык», на котором должны были создаваться НЗ тексты, гораздо лучше самих авторов.

В работе выделяется несколько проблемных положений Хорсли (как в сфере историко-культурных характеристик ситуации, так и в области теории и методологии лингвистического описания), вследствие которых возникает некорректная наукообразная схема.

В качестве ключевого условия более корректной интерпретации НЗ лингвистического материала в работе констатируется *среда возникновения НЗ текстов*, т.е. *грекоговорящая иудейская диаспора* как социокультурное пространство, в котором появляются данные тексты. Хорсли при этом полностью игнорирует этот факт.

Рассмотрение мотиваций Хорсли дает основание заключить, что его попытки приписать определенный статус НЗ текстам осуществляются на фоне взаимоисключающих (однако принятых им) положений: 1) характерные особенности («семитизмы») НЗ текста несомненны, 2) никакого особого языка у иудеев не было ни в Палестине, ни за ее пределами, 3) в Палестине, как и в Памфилии и других частях империи, местный вариант койнэ может и должен обладать характерными особенностями, 4) согласно эпиграфическим данным, эти особенные черты в Палестине не проявлялись.

Другими словами, пытаясь доказать *невозможность* особого иудейского языка, австралийский исследователь, тем не менее, соглашается с фактом семитизмов, которые явно указывают на иудейские *особенности* НЗ текстов. Признав семитизмы, т.е. встав перед фактом *характерных для иудеев* способов выражения в НЗ, Хорсли продолжает отстаивать идею *общегреческого койнэ*, которое, заметим, благодаря семитизмам должно быть названо как минимум *семитизированным*, а не всеобщим. Отказывая иудейским текстам в *литературности*, Хорсли привлекает идею

просторечности, спонтанности языкового процесса в практиках отдельных необразованных писателей, однако, вопреки такой логике обнаруживается, что число таких «неграмотных» писателей весьма значительно, и все вместе они составляют *обширный корпус* НЗ и около-новозаветной *литературы*, включая иудейские и иудеохристианские апокрифы и псевдоэпиграфы. Настаивая на *значительном распространении* греческого в Палестине, Хорсли тем самым лишает оснований свои же рассуждения о *доморощенности и самозаконности* отдельных языковых практик малообразованных билингв, хотя только самостийными опытами писательства в системе взглядов самого же Хорсли можно объяснить не вполне греческий характер НЗ текстов.

В *четвертой главе* работы рассматриваются **тенденции формирования дискурсивной парадигмы лингвистического описания**, принципы которой необходимы и востребованы для адекватного моделирования НЗ лингвистической ситуации.

Кризис предметной парадигмы (п. 4.1) прослеживается в области теории знаковых систем, эволюционирующей от полного игнорирования субъектности семиотической системы к необходимости признать субъектную назначенность системы и ее элементов.

В работе прослеживается кризис формального метода, который выразился в крайних формах европейского структурализма и американского дескриптивизма, сохранявших верность в своей исследовательской программе прямой корреляции «знак—значение»: значение устанавливается по вербальной форме на основании общепринятых (объективных) правил организации вербальной системы. В то же время требование естественного вербального процесса состояло в ином: предметные элементы, выделяемые в речи (слова, словосочетания, морфемы, звуки, предложения и пр.) не обладают собственной знаковостью (понимаемой как единство обозначающего и обозначаемого); предметные элементы, бессмысленные вне актуальной коммуникативной синтагмы, избираются, означиваются и выстраиваются в актуальный порядок субъективным сознанием в организованном им коммуникативном действии.

В этой связи в работе рассматриваются взгляды Н. Хомского, ставшего главным оппонентом структурного метода и локализовавшего язык в сознание говорящего. При этом ему удалось сохранить все ключевые постулаты о языке как системе отношений предметных единиц. Так, по примеру сосюрговской оппозиции «язык—речь» Хомский ввел оппозицию «компетенция—употребление», спровоцированную теми же теоретическими затруднениями: естественный лингвистический материал в его жизненной нередуцированной форме был неудобен для античного исследовательского инструментария (предметные единицы и их значения), которым продолжал оперировать исследователь.

В дальнейшем в работе прослеживаются теоретические опыты концептуализации лингвистического материала с сохранением понятия язык как главной константы предметной парадигмы. Если дискурсивные

тенденции приближают теорию к реальности (или к более работоспособной и верифицируемой схеме) вербального процесса, то язык как теоретический инструмент оказывается во всех случаях излишним или прямо препятствующим созданию когерентной концепции.

Язык в употреблении (п. 4.2) как исследовательская программа представляет собой несколько насильственное помещение естественного коммуникативного процесса в рамки, заданные моделью «знак-значение». Если в естественной вербальной коммуникации искомым для коммуниканта является успешное воздействие в целостной дектической ситуации (дискурсе), то для предметной модели исследуемым объектом является только вербальная составляющая действия, т.е. часть коммуникативного действия, не тождественная и не способная к смыслообразованию вне целого. Этой части, по предметной логике исследования, тем не менее, приписывается способность к целостному смыслообразованию, т.е. вся семантика действия и его интерпретации.

Узус, таким образом, насильственно редуцируется к некоей системе, которая не присутствует в материале, но которая необходима как искусственный объект, возникший по требованию модели «знак-значение». При таком подходе сам узус (всегда изменчивый и творческий) становится главным препятствием к воссозданию единообразного языка.

Тенденции к представлению узуса в качестве главного объекта изучения исследуются в работе по лингвофилософским трудам Л. Витгенштейна, в рассуждениях которого речевой факт разлагается на «язык» и сопутствующее действие («языковая игра есть язык плюс действие, с которым он переплетен»). Единообразная предметная, с одной стороны, и когнитивная, с другой, части речевого процесса признаются общим достоянием всех говорящих, что нивелирует роль данного коммуниканта и превращает речевой процесс во всеобщее следование правилам. В работе делается вывод, что словесный материал не связывается у Витгенштейна с идеей личного действия теоретически определено и последовательно, поскольку язык имеет для Витгенштейна прежнее, античное, предметное, значение. Скорее, в случае постулируемой им языковой игры речь идет о приближении к пониманию словесного материала как действия в коммуникативном пространстве.

В свою очередь, Дж. Остин, с одной стороны, признает, что рассмотрение вербальных фактов в качестве только локуций (т.е. только «языка» как грамматики и значений слов) было ошибкой философии. Однако, с другой стороны, самостоятельное значение слов и грамматики (т.е. «языка») Остином не отрицается. Это признание самостоятельного статуса локуции используется им как главное доказательство существования утверждений, отличных от перформативов (в то время как в естественном коммуникативном процессе «совершительными», акциональными, являются все актуальные высказывания). Другими словами, осужденная и отвергнутая «философская» ошибка (рассмотрение высказывания как «только локуции») становится затем доказательством главной мысли Остина — что

независимые констативы (утверждения) существуют сами по себе и как таковые составляют оппозицию перформативам.

Это противоречие адекватно очерчивает позицию Остина по отношению к предшествующей традиции. С одной стороны, в результате предпринятого им (вероятно, не без влияния Витгенштейна) обращения к «совершительным» высказываниям обнаруживается главное свойство актуального вербального материала — акциональность, которое, впрочем, в полной мере приписывается только перформативам. С другой стороны, преодоление аристотелевского (вне-риторического) направления в науке о «языке» остается нереализованным, поскольку Остин остается на прежнем основании предметной модели, основополагающие черты которой принимаются им безоговорочно и некритично. Тем не менее, в работе подчеркивается, что перформативы Остина можно считать началом новой модели лингвистического описания, в которой весь искомый процесс смыслообразования в речи интегрируется понятием личного осознанного действия, совершаемого в коммуникативном пространстве с использованием слов.

Язык в сознании (4.3) рассматривается в работе как основополагающая часть концепции Хомского, в которой «язык», несмотря на декларации, скорее, оказывается помещенным в *под*-сознание, поскольку речь идет об устройстве, работающем в сознании каждого носителя неосознанно. В работе подчеркивается, что, декларируя психологизм и свободу, Хомский сводит их на нет утверждением грамматики в качестве формальной автономной системы, обладающей полнотой собственной реальности. Глубинные элементы этой системы жестко коррелируют с поверхностной вербальностью. Таким образом, язык в сознании является фактором неоправданного детерминизма, лишаящим говорящего подлинной свободы и творчества.

Вариантом обнаружения языка в сознании является генеративная по происхождению концепция прототипов Дж. Лакоффа, в которой основное внимание сосредоточено на отдельной лексеме. В работе демонстрируется, что при объяснении феномена слова Лакофф фактически сохраняет предметную схему «знак—значение», придавая отдельно взятому слову лишь некоторую неоднозначность, градуальность в сфере смысла, которые, впрочем, значительно редуцируются введением понятия базового уровня и базового значения, единых для говорящих на одном языке. Как и в случае Хомского, сознание в рамках теории прототипов признается детерминированным базовыми категориями (основанными на чувственном опыте), что влечет за собой признание его несвободы и обусловленности, и, в конечном счете, его материальности и «воплощенности». При этом на уровне языкового материала детерминированное словом сознание воплощается в «язык» как систему категорий

В работе указывается, что как процесс мышления, так и речевой процесс теория прототипов рассматривает статически, наследуя, таким образом, платоновскую трактовку их отношений между собой. В ее основе

лежит спонтанная констатация, что «языком высказываются мысли». Мышление и язык в такой ситуации фактически идентичны, отличаясь лишь некоторыми физическими характеристиками. Обращаясь к категориям, теория прототипов устремлена к мыслимым объектам, при том что прямое соответствие этих объектов языковому материалу (словам) считается само собой разумеющимся.

Таким образом, в работе констатируется, что в рамках теории прототипов слово и категория смешиваются и, в конечном счете, лексема определяется как (языковая) категория, т.е. нечеткое «пушистое» множество, организованное по принципу витгенштейновских фамильных сходств. Чтобы объяснить процесс смыслообразования в реальных языковых структурах, составленных из «пушистых» неточных слов, вводятся общезначимые категории базового уровня, присутствующие в любой категории, в т.ч. в слове. В итоге на месте платоновского имени (как смыслообразующего слагаемого речевого процесса) появляется его почти полная копия — слово-категория, которая состоит из прочного центра, или базы, и окружающей ее неопределенности, возрастающей по мере отдаления от ядра и приближения к нечетким границам. В такой трактовке принимают участие прежние подлежащие лингвистического знания — корреляция «знак—значение» (несколько пошатнувшаяся, но выстоявшая); по-прежнему неприкосновенный «язык» как системный инструмент коммуникации; количественный подход к анализу вербальных фактов; несвободный говорящий, несвобода которого граничит с его полным теоретическим отсутствием; смешение языка и мышления; игнорирование акциональности речевого акта и самого мышления.

В работе, вопреки прототипической точке зрения, предлагается рассматривать слово, изъятое из актуального коммуникативного процесса, скорее, как *не имеющее никакого значения*, поскольку значение вербального материала возникает в процессе порождения личного актуального коммуникативного действия, которого нет в изолированной вне-акциональной позиции слова. Только актуальные субъектные высказывания (ставшие реальностью вербальные действия) могут быть тождественно интерпретированы.

В работе также предлагается рассматривать значение отдельно взятой лексемы (якобы, имеющей некий смысл для участника языкового коллектива) как дектико-синтаксический феномен, т.е. как представление о (минимальной) коммуникативной ситуации, в которой данный говорящий считает возможным употребить данный звуковой комплекс. В таком случае, значение слова, даже в изолированной позиции, становится дискурсивно-синтаксическим феноменом, подлинно коммуникативным, поскольку ассоциируется с употреблением в представимой коммуникативной практике, мыслится интегрированным в коммуникативно-синтаксическую ситуацию, теряя теоретическую возможность быть автономным смыслообразующим элементом.

В свою очередь, **язык в тексте** (4.4) рассматривается в аспекте обоснованности применения предметных (языковых) и коммуникативных критериев в определении текста. В работе подчеркивается, что предложение (как общепризнанно имеющие иное, нежели слово, значение) неизбежно определяется по признаку отсутствия или наличия *актуально мыслимого действия*. Поскольку смыслообразование происходит в момент совершения действия, текст может быть определен только как последовательность мыслимых действий, имеющих актуальное значение в каждый конкретный момент. Момент мыслимой ситуации интегрирован в изменяющиеся условия авторской предикации, взятой в точке данного действия. Сознание слушающего пребывает в едином пространстве (потенциально тождественно) мыслимой ситуации (дискурсе) и соответствующим образом интерпретирует вербальную составляющую авторских действий. В этой перспективе предметный подход к тексту как последовательности и связи слов/предложений страдает односторонностью. Так, текст очевидно линейен с точки зрения предметной парадигмы («линейный порядок слов во времени и пространстве»), и очевидно объемён с точки зрения дискурсивной парадигмы (сознание интерпретатора, как и прежде автора, совершает нелинейные процедуры при порождении и интерпретации авторских действий, отслеживая когнитивное состояние автора).

Таким образом, в работе подчеркивается, что различие предложения и текста носит предметный и количественный характер, но не затрагивают невербальных когнитивных составляющих смыслообразующей речи. В то же время, определяя предложение и текст через коммуникативный процесс, необходимо признать различия между ними не существенными: смыслопорождение всегда одномоментно и связано с мыслимыми условиями вербального действия (которые создаются другими действиями, в т.ч. вербальными, а также различными мыслимыми обстоятельствами, совокупно составляющими дискурс).

В работе подчеркивается, что, несмотря на несущественность отличий между текстом и предложением с точки зрения коммуникативного критерия, лингвистика текста возникает под лозунгом выхода за границы предметного предложения и постулирования текста как главной единицы смыслообразующей речи (демонстрируя, таким образом, предметность восприятия естественного вербального процесса). На примере исследований Р. Лонгакера и Г. Вайнриха в работе демонстрируется необходимость введения коммуникативного (дискурсивного) синтаксиса, вместо синтаксиса слов, принятого в текстлингвистике как объект исследования.

На основе наблюдений над опытами концептуализации естественного вербального материала, предпринятыми с привлечением понятия *язык*, в работе подчеркивается теоретическая неэффективность данной абстракции, и в итоге признается **невозможность самозначного (автореферентного) языка** (п. 2.5). Эти положения иллюстрируются в работе коммуникативной интерпретацией парадокса лжеца и теоремы Патнэма.

В первом случае констатируется, что сама формулировка парадокса и способ его лингвистической интерпретации спровоцированы постулированной *автономностью* значения языковых единиц (слово «все», с точки зрения автора парадокса, должно обозначать «все» само по себе). В то же время именно такое требование неисполнимо в естественной коммуникации: автор коммуникативного действия (Эпименид), включая в состав своего действия вербальные единицы, «означивает» вербальную предметность в соответствии со своим выбором и намерениями, он сам не может путаться в том, что хочет сказать. В свою очередь, адресат, интерпретирующий его слова, понимает его личное коммуникативное действие, а не отдельные вербальные единицы, которые вне смыслообразующего сознания автора и осмысленной им коммуникативной ситуации (дискурса) лишены смысла. Однако автор парадокса, представивший Эпименида энигматичным в его собственном высказывании, заставляет адресата следовать смыслу самих слов, которые в действительности интерпретируются только как элемент личного субъектного действия (Эпименид мог произносить свои слова о критянах аффективно, серьезно или в шутку, включать или не включать себя в число критян, и пр.). Парадокс снимается, если спросить о смысле слова «все» у Эпименида (как и должно быть), а не требовать самостоятельного значения от языковой единицы «все (критяне)». Парадокс элиминируется как любой вне-дискурсивный (и потому не поддающийся интерпретации) вербальный материал. Элемент языка, таким образом, как в этом, так и в других случаях, не может считаться самозначным, и потому не может быть эффективным инструментом для корректной интерпретации высказывания.

В свою очередь, теорема Патнэма обнаруживает те же затруднения, связанные с мнимой самозначностью языка. С одной стороны, теорема демонстрирует нетождественность предметного лингвистического материала вне говорящего («кошка сидит на коврик» может означать все что угодно, в т.ч. «вишня висит на дереве»), с другой стороны, опора на язык как на мнимо-твердую почву заставляет Патнэма впасть в противоречие. Так, постулирование языка L в качестве исходных данных теоремы необходимо Патнэму для того, чтобы представить затем осмысленное предложение, созданное на этом языке. Обладая предикатами $F_1, F_2 \dots F_k$, язык L обеспечивает создание такого предложения. Парадоксальным образом доказываемое утверждение состоит именно в том, что предложения, созданные на этом языке, могут иметь несколько истинных интерпретаций, что, в свою очередь, равносильно признанию, что язык L не может быть средством создания определенных (в смысловом отношении) предложений, понимание которых должно быть тождественно, стабильно и в целом достаточно хотя бы для совместных практических действий, совершаемых пользователями этого «языка».

В работе констатируется, что исходные данные теоремы отрицаются доказываемым утверждением: язык, обеспечивающий предложение «кошка сидит на коврик», отрицается признанием того факта, что данное

предложение может означать «вишня висит на дереве». Такой язык не может быть пригоден для пользователей, поскольку язык необходим им как раз для создания осмысленных предложений, пригодных для корректных интерпретаций и для адекватного общения (по условиям теоремы, этот язык способен к предикации).

В работе констатируется, что теорема по сути имеет в виду предметный (вербальный) компонент естественного коммуникативного процесса, изобличая его внесубъектную и внеакциональную нетождественность. Напротив, в коммуникативной (а не языковой) реальности источником тождества вербальных элементов выступает мыслимое субъектами единство параметров коммуникативной ситуации (но эти параметры не входят в список элементов того языка, который подразумевает Патнэм).

Признав нетождественность референции в языке, Патнэм провозглашает «сколемизацию всего» (т.е. утрату всеми элементами языка фиксированной референции). В работе отмечается, что, если понимание и коммуникация осуществляются посредством вербального материала вполне успешно, возникает необходимость преодолеть полученную апорию («нефиксированность референции» vs «успешность коммуникации»). В этой ситуации Патнэм предлагает отказаться от теоретических и операциональных ограничений в пользу витгенштейновского «языка в употреблении».

В работе отмечается, что Патнэм столь же сторонится интерпретации, как некогда Витгенштейн, который намеренно уводит рассуждение о лингвистических объектах в сферу употребления, где интерпретация, якобы, не имеет силы. Возникает картина механистичного речевого процесса, в котором вербальными моделями (для Патнэма — «языком») пользуются без совершения выбора и без установления мыслимого тождества (без интерпретации).

В работе также отмечается, что попытка покончить с интерпретациями, сообщающими вербальной структуре нетождественность, оборачивается подспудным отрицанием мыслимости (когнитивности) вербального процесса: вместо того, чтобы искать источники когнитивного тождества, или одной единственно верной интерпретации, которая содержится в сознании словесно действующего коммуниканта и которую восстанавливает адресат, Патнэм вовсе отрицает какую-либо интерпретацию в феноменах «языка». Формула Витгенштейна («единое целое: язык и действия, с которыми он переплетен») становится для него спасительной территорией ввиду того, что в ней нет места когнитивным переменным, т.е. неопределенности: язык — детерминированная система грамматики и слов, действие (у Витгенштейна) — оперирование объектами по правилам. Ввиду этого в ней нет места и концепции *свободного осознанного* действия, предполагающей субъектное целеполагание и понимание, или интерпретацию.

В итоге в работе отмечается, что попытки Патнэма найти в «ничьих словах и грамматике» (т.е. в языке) смысловое тождество выливаются в

признание множественной интерпретации, т.е. в отрицание тождественного смысла в реальном коммуникативном процессе.

В качестве причины этой противоречивости в работе указывается, что Патнэм, рассматривая предметно понимаемый язык, неправомерно отождествляет его с естественным вербальным процессом. Однако для естественного коммуникативного процесса предметный «язык» нельзя считать эффективной моделью, тем более с ним отождествлять, поскольку коммуникация принципиально акциональна, ситуативна и субъективна. Напротив, в логическом «языке» (который выступает объектом обвинений и разоблачений Патнэма, отождествленный им с естественной вербальной коммуникацией) отсечены все естественные свойства коммуникативного процесса: предметные элементы рассматриваются вне действий коммуникантов как смыслоформальные единства; постулируется автономная от говорящего система элементов; элементам приписываются самостоятельные валентности; все факты естественной коммуникации редуцируются к суждениям (истинным или ложным, в крайнем случае, модальным) и пр. Вследствие неестественности (сконструированности) логического языка, представленного искусственными примерами (как в теореме, так и в парадоксе лжеца), в нем возможны нетождественные референции и интерпретации.

По результатам рассмотрения коммуникативных тенденций в концептуализации лингвистических фактов, знаменующих собой постепенный отказ от принципов предметной парадигмы, в *пятой главе* предпринято **переосмысление основных элементов описания библейских текстов в дискурсивной парадигме**. Здесь суммируются дискурсивные воззрения, актуальные для описания рассматриваемых текстов.

Естественные свойства лингвистического материала (п. 5.1), т.е. ситуативность, коммуникативность, акциональность и когнитивность, имеют рамочное значение для создания описательной модели лингвистических данных Септуагинты и НЗ. Эти свойства (каждое из которых, как было показано в третьей главе, фактически игнорируется при рассмотрении библейских текстов в предметной парадигме) формируют набор параметров, необходимых для корректной интерпретации вербальных действий, совершаемых участниками аутентичной лингвистической ситуации. Ключевое значение имеет достоверно воссозданный процесс взаимодействия с аудиторией, которую для библейских авторов/переводчиков составляли диаспоральные грекоговорящие общины в городских центрах эллинистической ойкумены.

Дискурс, или осознанная коммуникативная ситуация (п. 5.2) как инструмент концептуализации вбирает в себя естественные свойства лингвистического материала и формирует критерии его интерпретации. В качестве главных элементов коммуникативной ситуации (или дискурса), способных при надлежащем описании быть ее (его) характеристиками, в работе представлены 1) *фреймы*, 2) *факты и данные, непосредственно связанные с моментом акта коммуникации*, 3) *модели (клише) речевой*

деятельности на макро- и микроуровнях текста, актуальные для данной ситуации или ее момента, или *модели вербальной реализации коммуникативных ситуаций*, 4) т.н. *паралингвистические* характеристики коммуникативного акта: темп речи, тембр голоса, интонация, дефекты произношения, жесты и др.; неразборчивый почерк, качество печати, дефекты носителя текста, ошибки переписчика, фрагментарность текста, 5) личное восприятие и использование элементов осознанной коммуникативной ситуации (дискурса), или *дектика*.

Дискурсивный синтаксис, дектическая синтагма (п. 5.3) определяются в оппозиции к предметно понимаемому синтаксису и синтагме. Связь выделяемых элементов текста, описываемая по внутри-фразовым отношениям, иногда с элементами сверх-фразовости в целях грамматикализации отдельного предложения, претерпевает неизбежное расширение в направлении целостной мыслимой ситуации вербального действия, превращаясь из вербальной синтагматики (связи слов между собой) в коммуникативную (связь элементов коммуникативного действия с мыслимой ситуацией действия). Интегрированность элементов вербального текста в осознанную коммуникативную ситуацию, или интегрирование элементов текста осознанной коммуникативной ситуацией, означает, что вербальное действие представляет собой предикат соответствующей коммуникативной ситуации, т.е. в некотором смысле вербальное действие содержится в мыслимой коммуникативной ситуации как своем «субъекте», и определяется ей; по мере того вербальный текст есть функция мыслимой коммуникативной ситуации.

Типология дектических синтагм (п. 5.4) представлена в работе как коммуникативная замена понятия язык, произведенная для более адекватного объяснения процессов порождения и понимания осмысленной речи. Типология дискурсивного знания и навыка пользования коммуникативными клише (моделями) имеют решающее значение для успешных действий в коммуникативном пространстве и их интерпретации. Сфера распространения коммуникативно-типологического знания не тождественна области распространения предметных элементов языка среди различных пользователей.

Предикация (п. 5.5) представляет собой реализацию потенциальной возможности ситуации воспринять, «вместить» вербальное действие говорящего. Актуальный текст (т.е. вербальное действие) становится предикатом соответствующей коммуникативной ситуации. В работе отмечается, что в реальном коммуникативном процессе на месте любого логического (аристотелевского) «подлежащего» присутствует «объект», созданный говорящим, т.е. замеченный им, выделенный им из прочих возможных, оказавшийся для него важным, поставленный в определенную связь с другими выделенными объектами, наделенный актуальными признаками, и пр. Эти назначения необходимы говорящему для реализации своих целей в мыслимом коммуникативном пространстве. В этом смысле прежний «субъект» логического предложения меняет свою подчиненность и

превращается в «объект» назначенного коммуникативного действия, а новым субъектом в рамках коммуникативной синтагматики становится коммуникант, параметрирующий ситуацию предикации и организующий вербальное действие.

Лексема (п. 5.6), а также **звук, фонема, морфема** (п. 5.7) в дискурсивной парадигме получают дектико-синтаксическую этиологию. В работе разрешается коллизия между автономным значением лексемы (а также других предметных элементов) и ее подчиненностью ситуации коммуникации. Приоритет дектико-синтаксического подхода достигается признанием того, что значение любого изолированного элемента (в т.ч. слова) есть представление о действии в актуальной коммуникативной ситуации с использованием данного элемента. Значение предметного элемента становится, в таком случае, полностью коммуникативным, выводимым из мыслимого процесса коммуникации.

В работе приводится образец рассуждения, в котором представлена оппозиция **Коммуникативная парадигма vs словоизолирующая парадигма** (п. 5.8): элемент текста рассматривается последовательно по уровням лингвистического анализа, от морфологии к уровню текста и коммуникативной ситуации. Подчеркивается, что каждый элемент лингвистической структуры определен и задан, в конечном счете, невербальным (дектическим) уровнем, т.е. осознанной коммуникативной ситуацией вербального действия, и взятый вне дектической синтагмы, не имеет тождественно мыслимого значения. В свою очередь, для приписывания ему какого-либо значения необходимо вернуть данный элемент в ситуацию актуального коммуникативного действия.

Лингвистические практики (теоретизирование, перевод, этимология) (п. 5.9) свидетельствуют о дектико-синтаксических основах построения грамматики языка, перевода, этимологизирования. В частности, в работе указывается, что невозможность вписать актуальный языковой факт в существующую грамматическую модель указывает на некорректное воссоздание дектической синтагмы (или коммуникативной ситуации, в которой данный текст стал частью актуального действия).

В *шестой главе* рассматриваются значимые аспекты создания **корпуса Септуагинты и Нового Завета в дискурсивной модели описания**.

Принципиальное значение для корректной интерпретации статуса библейских текстов имеет **грекоговорящая диаспора как лингвистический фактор** (п. 6.1). В работе подчеркивается, что диаспоральный иудаизм составляет аутентичную среду возникновения и функционирования данных текстов, т.е. аутентичный дискурс, мыслимый авторами/переводчиками. В работе отмечается, что грекоязычная диаспора всегда грозила концептуальным крахом некорректной лингвистической схеме описания и соответствующему инструментарию: идея неграмотных авторов, к которой сводится любая попытка осмыслить НЗ и LXX материал в предметной описательной парадигме, фактически утверждает *появление ненормализованного текста в рамках сугубо традиционного сообщества*,

что полностью исключено. Вероятно, именно поэтому аутентичная среда возникновения НЗ текстов игнорируется большинством современных исследователей-лингвистов.

В работе констатируется имеющий место конфликт между историко-культурно-религиозной интерпретацией, с одной стороны, и лингвистической, с другой. Этот конфликт обостряется и ужесточается вследствие полнейшей очевидности каждой из интерпретаций. Если первая не может быть подвергнута сомнению по причине обилия фактов, свидетельствующих о масштабах и иудейской аутентичности диаспоральной общины, то лингвистическая интерпретация столь же безупречна в своих логических основаниях, поскольку опирается на «очевидный» языковой материал. Языковой аргумент основан на наблюдаемом во всех подробностях процессе перевода Септуагинты на греческий язык и результатах переводческой деятельности: если бесспорно то, что Септуагинта сохраняет следы древнееврейского оригинала (вследствие пословной переводческой техники), и что целевой текст, созданный таким способом, нельзя назвать аутентичным на греческой почве, то бесспорно и то, что любой текст, похожий на Септуагинту в своей форме, будет не вполне греческим, гречески неаутентичным, текстом с нарушениями.

В работе этот конфликт разрешается посредством изменения теоретической модели, описывающей вербальный материал. Коррекция, как было показано в предыдущих главах, состоит 1) в последовательном отказе от идеи самоорганизации вербального материала, признании его смысло-формальной нетождественности, неспособности к автономному смыслообразованию вне тождественно мыслимого коммуникативного действия, и 2) в переносе фокуса лингвистических исследований в когнитивную сферу коммуниканта, формировании нового лингвистического объекта для объяснения процессов смыслообразования в сознании участников вербального коммуникативного действия. Для рассматриваемых текстов тенденция выражается в отказе от системоцентричной точки зрения, от безуспешного, но настойчивого конструирования «языков», в пользу поиска и обретения аутентичных критериев смыслообразования, мыслимых участниками коммуникативных практик.

Снятие противоречий статуса библейского текста в дискурсивной парадигме (п. 6.2) производится в работе на основе рассмотрения оппозиций, остающихся в рамках предметной парадигмы неразрешенными: «язык» иудеев одновременно 1) нормализованный vs ненормализованный, 2) литературный vs нелитературный, 3) особенный vs всеобщий, 4) полностью греческий vs не вполне греческий.

1) В работе отмечается, что дискурсивная парадигма предполагает, что нормализованность коммуникативного поведения, как устного, так и представленного в письменной форме, определяется когнитивным состоянием субъектов коммуникации, которые совершают (совершали) актуальные действия в непосредственно воспринимаемом коммуникативном пространстве и сами определяют (определяли) статус используемых

вербальных способов действия в нем. В отличие от дискурсивной, предметная парадигма актуализует соображения структурного характера (сконструированные процессы деривации, этимологические процедуры, аналогические наблюдения и пр.).

Для дискурсивной модели ключевое значение имеет тот факт, что для НЗ авторов аутентичным коммуникативным сообществом выступает грекоговорящая иудейская диаспора, в которой текст Септуагинты ко времени создания НЗ корпуса исполнял стандартизирующую роль образца, или модели текстов такого рода. НЗ авторы обращались к единоверцам, рассчитывая, что их собственное коммуникативное действие (в каждом отдельном случае и целом тексте) будет успешным. В работе отмечается, что только при таком условии (адекватных отношениях автора и аудитории) непротиворечиво исполняется коммуникативный принцип кооперации Грайса и принцип вежливости Лича, спроецированные на НЗ лингвистическую ситуацию. Картину отношений «автор-читатель-вторичный интерпретатор», воссоздаваемую в рамках предметной модели, нельзя считать реалистичной.

2) Констатируемая в рамках предметной модели нелитературность текстов НЗ корпуса ставит вопрос о самом факте существования некоей литературной традиции, в рамках которой данные тексты воспринимались как аутентичные. Для дискурсивного понимания библейского текста важно то, что, как и в рассуждениях о коммуникативных целях и стратегиях авторов, грекоговорящая иудейская диаспора составляет ключевое условие для воссоздания литературного контекста, в который вписывается НЗ и LXX корпус. В работе приводится ряд доказательств несомненного существования особой, отличной от языческой, собственной для иудеев грекоязычной литературной традиции, существенной частью которой было профетическое направление: а) различные формы лингвистической (в т.ч. литературной) деятельности, возникавшие вокруг текста Писания, в тесной связи с которым разворачивалась вся религиозная и общественная жизнь грекоговорящей диаспоры; б) высокий (и равноправный) статус греческого перевода Писания и соответствующей литературы в доталмудическом иудаизме; в) постоянно воспроизводимый в рамках синагогального богослужения текст Септуагинты, языковой строй которой сложился в результате пословного перевода и оттого обладал не аутентично греческими чертами, не свойственными греческой литературной традиции; г) особое место литературы иудейского профетизма в литературном и религиозном процессе; в качестве главных ее характерных особенностей в работе отмечаются: критерий отношения субъекта, сознающего данную ситуацию в аутентичных понятиях и оппозициях; критерий адресата, или аудитории, к которой обращен данный текст; критерий использованных в тексте языковых клише на уровне макро- и микро-риторических стратегий, тематики, фреймовой структуры организованного в тексте коммуникативного действия.

3) Решая вопрос о всеобщности НЗ языка, представители предметной модели вынуждены позиционировать *койнэ* в качестве единого

панэллинского достояния и списывать отступления от *койнэ* («семитские следы» в НЗ тексте) на индивидуальные практики билингв, преодолевая, таким образом, опасность того, что «семитские следы» могут оказаться едиными и общепринятыми для некоего языкового коллектива и в таком случае превратиться в «отдельный диалект» (т.е. «иудейский греческий»).

В работе указывается, что дискурсивные принципы описания НЗ и LXX материала препятствуют попыткам привлечения идеи внелитературных билингв для спасения всеобщего языка, и отвергают концепцию «вульгарного билингвизма», существо которой состоит в том, что: 1) факты письменного литературного текста ставятся в *прямое соответствие* с гипотетической спонтанной (устной) вербальной деятельностью; 2) попутно констатируется *отсутствие всякой рефлексии* при создании письменного текста («как говорили, так и написали»); 3) пророческие тексты, созданные в диаспоральной среде, вопреки данным культурно-исторического контекста, признаются *внетрадиционными*, лишенными каких-либо условий и правил, которые на самом деле с необходимостью должен исполнять и учитывать любой вписанный в данную традицию автор (ср. Иосиф Флавий и Ев. Лука); 4) отношения «автор-аудитория» характеризуются де факто как *неадекватные*: автор пишет с неосознаваемыми нарушениями «греческого языка», при том что для аудитории греческий (*койнэ*) является родным (читателем НЗ текстов, с точки зрения предметной модели, является «эллинский читатель», который способен понимать только «обычные употребления в койнэ» и которому не понятны «семитские» черты текста, ввиду знания им *всеобщего* языка).

4) Наконец, решение вопроса об аутентичности НЗ языка неизбежно ведет к рассмотрению языковой ситуации в Палестине I-го в., где одновременно присутствуют все элементы для составления исследовательской мозаики: греческий и арамейский языки, Сам Источник Благовестия, потенциальные авторы НЗ текстов, возможный билингвизм населения и пр. Согласно рассуждениям в рамках предметной модели, такая билингвальная Палестина могла дать миру писателей, которые затем создадут семитизированный греческий текст НЗ, опираясь на свой билингвальный палестинский опыт. Несмотря на вполне определенно сложившийся научный консенсус относительно языковой ситуации в Палестине I-го в. (согласно которому население пользовалось исключительно арамейским языком в повседневном общении, а греческий был распространен весьма слабо, в зависимости от индивидуальных особенностей представителей палестинского социума – образовательной базы, социального слоя, рода занятий и социальной мобильности), предметная модель по своей внутренней логике предполагает гораздо большую распространенность греческого в Палестине. Для доказательства, как показано в работе, в рамках предметной модели используется единственный твердый аргумент: в Палестине присутствует значительное количество грекоязычных надгробных надписей; грекоязычные иудейские эпитафии, происходящие как из Палестины, так и из диаспоры, не различаются между собой. В работе

указывается, что греческие погребальные надписи в Палестине имеют по преимуществу *диаспоральное* происхождение, как следствие не подлежащего сомнению иудейского обычая хоронить кости покойников из диаспоры на Святой земле.

В качестве примера палестинского билингвизма в рамках предметной модели часто приводится случай Иосифа Флавия, который, как показано в работе, наоборот, являет собой контрпример, поскольку, будучи по рождению арамеоязычным иудейским аристократом, плохо говорившим и писавшим по-гречески (по его собственному признанию), создал масштабные сочинения на образцовом ионийско-аттическом литературном языке. В работе приводятся и другие примеры, прямо противоречащие прямолинейной языковой логике предметной модели (Лукиан, Юлиан Эвтекний, Клейтомах (Гасдрубал), Цицерон, Дионисий Египтянин, Публий Сириец). Случай Иосифа Флавия, вопреки предметной логике, демонстрирует дискурсивные основания коммуникативной деятельности, в т.ч. субъектность, акциональность, когнитивность, ситуативность любого естественного вербального процесса. В случае Иосифа с очевидностью воссоздаются дискурсивные параметры ситуации, которые объясняют специфику его писательской практики: адекватные отношения «автор-аудитория» (Иосиф обращался к аутентичным эллинам), вписанность в рамки определенной литературной традиции (греческая классическая и эллинистическая ионийско-аттическая проза, на образцы которой он ориентировался), весьма опосредованная зависимость от родного языка (в греческой прозе арамеоязычного Иосифа отсутствуют семитизмы), тщательная рефлексия в отношении употребляемых языковых клише (в первом своем сочинении, написанном для эллинов, Иосиф пользовался услугами помощников), и др. Эти параметры коммуникации полностью отрицаются в рамках предметной модели по отношению к НЗ авторам. Основание для их писательской деятельности в рамках предметной модели пытаются обнаружить в территориальных, социальных и образовательных факторах, которые действуют через НЗ авторов спонтанно и непосредственно, вне рефлексии над используемыми коммуникативными клише, вне осознания отношений с аудиторией, вне традиции, и в условиях нехватки времени для идентифицирования параметров мыслимой ими коммуникативной ситуации.

В работе указывается, что в конкретных случаях, где необходимо учитывать подлинно лингвистические параметры ситуации (субъектность, коммуникативность, акциональность, когнитивность, ситуативность), общая теория билингвизма (основанная на признании системности языка и его элементов) теряет эффективность. Если коммуникант (в т.ч. билингв) может де факто не исполнять требования *языка*, предъявляемые автору исследователем (автор, как показывает данные ситуации, может говорить, с точки зрения исследователя, как правильно, так и неправильно, не испытывая при этом никаких затруднений, добиваясь исполнения своих коммуникативных задач), то не исполнять требований, выдвинутых

естественным вербальным процессом, автор не может (он не в состоянии оказаться за пределами субъектных, коммуникативных, акциональных, когнитивных и ситуативных параметров своего вербального акта, формируемых в ходе осмысления ситуации письменного или устного общения).

В работе получает описание процесс **создания НЗ текста как лингвистическая практика в аутентичном дискурсе** (п. 6.3). Отмечается, что диаспора предоставляет для интерпретации характера НЗ текстов необходимый и достаточный набор условий, среди которых: 1) внетерриториальное (и, по-видимому, внесоциальное), а также религиозное и, в целом, идеологическое единство участников коммуникативной практики, 2) единая база языковых моделей (клише), т.е. текст Септуагинты, который постоянно воспроизводился в грекоязычных синагогах и был «на слуху» и «под рукой» у всех грекоязычных членов синагогальных собраний, 3) живая традиция данной коммуникативной практики. В работе констатируется, что независимо от местных языковых особенностей, независимо от социальных (профессиональных, возрастных, половых, образовательных, экономических) признаков, грекоговорящее население иудейских общин, идентифицируя себя с иудейской традицией, было причастно и ее лингвистической части – синагогальному субботнему чтению и изучению Писания. Во всех городских центрах Империи, где присутствовали иудейские анклав, Септуагинта составила фактор лингвистического единообразия, распространяя свое влияние исключительно на данную коммуникативную практику. Если в иных ситуациях коммуникации грекоязычный этнический иудей (а также примкнувший к ним прозелит или «боящийся Бога») говорил или писал на «территориальном диалекте» (ср. набор языков, представленных в описании пятидесятичной глоссолалии, Деян. 2: 16), «разговорном варианте койнэ» или «литературном греческом языке» (например, Филон или Иосиф), то в условиях синагоги его окружал (по крайней мере, был регулярно доступен) особый строй грекоподобного текста, прямо ассоциированный с традицией иудейского профетизма.

В работе подчеркивается, что для создания лингвистического описания НЗ текста существенным является не только однозначный отказ от идеи прямой обусловленности письменного «языка» устным, но и принципиальное признание «нечеткости» тех множеств, которые признаются в качестве характеристик (параметров) текста и которые объединяют («грамматикализуют») его конкретные предметно представленные единицы. Так, в отличие от современного вторичного интерпретатора, не вовлеченного в лингвистическую ситуацию эллинизма (тем более, конкретного времени и места) и знакомого с «языком» по созданным «точным» грамматикам, иудеохристианские авторы усваивали актуальные коммуникативные модели в результате непосредственного общения с текстом Септуагинты, выделяя «неточными методами» способы создания религиозного нарратива или дискурсива, чтобы затем применить их для создания нового текста.

Фактор родственных сходств, или нечетких множеств, вводит в рамки коммуникативной парадигмы психологическую составляющую авторского процесса: в актуальной коммуникации формальный облик используемых вербальных клише может не быть точным (совпадающим с уже имеющимися образцами), но может быть *признан достаточным* для реализации данной коммуникативной задачи. Постоянное размывание прежних границ вербальных форм, в таком случае, предстает не как «порча языка», а как переосмысление и переоценка коммуникантами вербальных комплексов, необходимых и достаточных для смыслопорождения в рамках данных коммуникативных синтагм.

Напротив, попытки применения к их деятельности грамматических требований (и констатация неисполнения этих требований), по сути, обращают вспять причинно-следственные связи, с очевидностью констатируемые в естественном вербальном процессе: на основе естественной (субъектной, акциональной, ситуативной, осмысленной) коммуникативной типологии, известной говорящим и пишущим участникам аутентичных ситуаций, возникает формализованная грамматика (лишенная, заметим, подлинных атрибутов естественного коммуникативного процесса).

Для иллюстрации процесса создания НЗ текста в работе сначала рассматриваются три способа перевода нарративных структур, которые засвидетельствованы в Септуагинте (представленные в виде таблиц Исх. 1:1-22, Быт. 1:1-3:25 и 4 Цар. 9:1-29). В качестве признака грекоподобного текста, который позволяет отграничивать одну переводческую технику от другой, выступает употребление греческих текстовых координаторов *КАI* и *DE*. Отмечается, что по характеру выбора, который сделал каждый из переводчиков, нарративные тексты, представленные в данных отрывках, можно признать *более или менее грекоподобными*, при общем нарушении греческой текстуальности, свойственном каждому тексту. Так, в работе констатируется, что коммуникативное варьирование, свойственное аутентично греческому нарративному тексту, находит выражение в использовании гораздо большего, чем в еврейском нарративе, числа различных текстовых координаторов, к которым, прежде всего, относятся разнообразные частицы. В отличие от греческого, еврейский нарратив выглядит однообразным и монотонным, демонстрируя к тому же фиксированный порядок слов (глаголов и подлежащих) в начале каждого нового предложения. Если в аутентичном греческом нарративе способ связи высказываний характеризуется как гипотаксис, то в еврейском однозначно доминирует паратаксис.

Для объяснения особенностей восприятия текста Септуагинты в работе устанавливается его прямая связь с конкретной лингвистической практикой – прояснением элементов древнееврейского текста в ходе субботних чтений Закона и индивидуального изучения. О необходимости такого способа обработки не (вполне) понятного древнееврейского текста свидетельствуют подробно обсуждаемая практика таргумов (особого рода арамейских переводов с толкованиями в палестинской традиции, в т.ч.

«невразумительный», но почитаемый перевод Аквилы), и практика «греческих таргумов» в диаспоральных грекоязычных общинах.

Обращение к НЗ тексту (представленные в виде таблиц нарративные тексты Лк 1:5-56 (Ср. Исх. 1:1-22), Мк 1:1-45 (Ср. Быт.1:1-3:25) и Откр. 8:1-11 (Ср. 4 Цар. 9:1-29) демонстрирует, что в текстах НЗ круга, подобно Септуагинте, для построения нарратива используются те же модели — соответствующие формы глаголов-сказуемых, эксплицитные подлежащие и текстовые координаторы КАІ или DE.

Этот пример иллюстрирует, что в условиях особой ситуации коммуникации, сложившейся в синагогальном и индивидуальном изучении Писания в грекоязычном иудаизме доталмудического периода, текст Септуагинты (искусственный с точки зрения греческий критериев текстуальности) сформировал в иудейской среде особый строй коммуникации, предоставив модели для письменного нарратива и дискурсива пророческого содержания.

Таким образом, в работе констатируется, что рассуждения, имеющие отношение к языковой системе, теряют смысл ввиду обозначенного коммуникативного подхода к языковому материалу: языковые модели нормализуются участниками коммуникативной ситуации в актуальных практиках. Так, любое современное состояние языка является деформацией (искажением) некоего прежнего состояния «системы» того же «языка», однако, в конечном счете, современные участники лингвистической ситуации признают за актуальными (в конкретных ситуациях) вербальными моделями нормализованность и правильность. Санкция участников коммуникации получает затем отражение в описаниях «правильного» состояния «языковых систем» (словари, грамматика и др.). Ввиду этого в ситуации Септуагинты приоритетным следует признать факт того, что сообщество грекоговорящих диаспоральных иудеев признавало за текстом LXX определенный статус и видело в нем способность исполнять определенные коммуникативные функции. Другой «факт», или точнее, вопрос о том, что аутентичная греческая текстуальность в переводе Семидесяти нарушена, снимается как методологически некорректный.

«Иудейский греческий» и современная практика создания церковнославянских литургических текстов (п. 6.3) рассматриваются в работе как возможность провести достаточно иллюстративную параллель между новозаветной и современной лингвистическими ситуациями. В работе отмечено, что непротиворечиво мыслить статус текстов НЗ корпуса можно в том случае, если считать их представителями пророческих письменных текстов грекоговорящей иудейской диаспоры, подобными по многим признакам современным коммуникативным практикам РПЦ: тексты новозаветного корпуса создавались подобно тому, как в настоящее время создаются *новые литургические тексты* (например, тропарь Новомученикам и исповедникам российским: «Днесь радостно ликует Церковь Русская, / яко мати чада, прославляющи новомученики и исповедники своя...»), или Кондак Соловецким Новомученикам и Исповедникам: «Христовою любовью

распаляеми, мученицы, / и Того крест на рамо вземше, / понесли есте, божественне претерпевающе лютость мук...»). Создавая эти и подобные им произведения, их авторы ориентируются на авторитетнейшие образцы текста (литургический библейский текст) и, соответственно, используют церковнославянские вербальные клише (которые не используются в повседневном общении), обращаясь при этом не к носителям обобщенного «русского языка», а к сообществу верующих, в котором принята данная лингвистическая практика; при этом следует отметить, что родным (разговорным, повседневным) языком авторов, очевидно, является русский (а не церковнославянский). На основании созданного таким способом текста нельзя утверждать, что его авторы не знакомы с фактами современной русскоязычной литературы (по крайней мере, они явно не преследовали своей целью стать участниками современного русскоязычного литературного процесса, но исполняли другую коммуникативную задачу). Ясно также и то, что авторы предполагали адекватное отношение аудитории к своей «необычной» лингвистической деятельности, поскольку такое отношение предполагается самой практикой литургии в ее традиционных формах. Интересно заметить и то, что в данных текстах кропотливый исследователь при желании может обнаружить признаки «очевидного» билингвизма, т.е. значительное число греческих и арамейских интерференций (как в сфере синтаксиса, так и в сфере лексики), однако, столь же очевидно и то, что для создания этих текстов авторам вовсе не потребовалось знание этих языков.

На основе приведенных наблюдений в работе представлены **перспективы и преимущества применения дискурсивной модели для уточнения основных терминов описания лингвокультурной ситуации** (п. 6.4): «просторечный (разговорный, нелитературный) язык», «язык койнэ», «калькирование арамейских (древнееврейских) конструкций», «арамейское языковое сознание автора, сказавшееся в фактах интерференции (т.е. в пословном калькировании семитских конструкций)», «знакомство с Септуагинтой как фактор семитизации греческого текста», «перевод семитоязычных источников» и пр. В работе констатируется, что основательность этих формулировок на сегодняшний день требует пересмотра ввиду дискурсивной этиологии лингвистических фактов.

В качестве иллюстрации эффективности дискурсивной модели в работе приводятся неясности и противоречия, возникающие при использовании прежней, предметной, модели описания, которые получают непротиворечивое объяснение в рамках представленного дискурсивного подхода.

Апробация исследования.

Различные аспекты исследования нашли отражение *в докладах и выступлениях на конференциях и конгрессах:*

13-й Мировой Конгресс по иудаике, Иерусалим, июль 2001;

Международный Конгресс по русскому языку, Март 2001;

Mt 26:19; 26: Dikaios — reus, dikaios — □□□? Материалы Богословской конференции, 1995

Язык Евангелий: традиционные концепции и новая модель описания, в сб.: Материалы Богословской конференции, 1999;

Древнееврейский нарративный синтаксис в языке Септуагинты и Нового Завета. Краткое изложение, *Богословский сборник* ПСТБИ, N4.

"□□□□□□□□ в употреблении Иосифа Флавия", в сб.: *Colloquia Classica et Indo-Europaeica*, «Алетейа», 2000.

«Древнееврейский нарративный синтаксис Мк 1:1-16», в сб.: Материалы Богословской конференции памяти о. Всеволода Шпиллера, 2000;

«Традиционный литературный язык Евангелий. Новая модель описания», в сб.: Православное богословие на пороге третьего тысячелетия. Материалы конференции, М., 2000.

«Philo's Complete Edition in Russia», *Studia Philonica* N9, ed. by D.Runia, New York, 1998, с. 245-247.

«Hebrew Narrative Syntax in the Septuagint and New Testament Greek», *Filologia Neotestamentaria*, Cordoba (in print);

«Traditional Literary Language of the Gospels. New Descriptive Model for the so Called Jewish Greek», *Filologia Neotestamentaria*, Cordoba (in print);

«Язык Евангелий. Новая модель описания», ❀ ❀ ❀ ❀ ❀ ❀ ❀, Киев, 2000.

«Лексическое значение в дискурсивной парадигме описания языка. Синтактика *versus* семантика», *Материалы Международного Конгресса по русскому языку*, Март 2001;

«Септуагинта в дискурсивной модели описания», в сб. к 70-летию акад. Ю.С. Степанова, М., «Языки русской культуры», 2001;

«Traditional Literary Jewish Greek. Proposals for the New Descriptive Model», *Proceedings of the XIII-th World Congress of Jewish Studies*, Jerusalem 2001, in print;

«Хаос в лингвистическом материале как проблема метода. Актуализация вербального феномена», в сб. *Логический анализ языка. Хаос и космос*, М., 2002.

«Интертекстуальность и дискурсивно-лингвистический подход. Иудейские и иудео-христианские тексты III в. до н.э. — II в. н.э.», Материалы конференции «Проблемы и перспективы языкознания 21-го в.», Калининград, сентябрь 2001 (в печати).

«Этимология как метод в свете дискурсивной модели описания языка», в сб.: Православное богословие на пороге третьего тысячелетия. Материалы конференции, М., 2002, с. 34-53.

«De principiis античной теории языка: объектность и логичность», Вестник ПСТГУ «Филология», 2005, вып. 3;

«Кризис предметной модели языка в генеративизме Н.Хомского», Вестник ПСТГУ «Филология», 2005, вып. 4;

«Самозначный язык и парадокс лжеца», Вестник ПСТГУ «Филология», 2006, вып. 1;

«Смешная лингвистика по Платону. Где же серьезная?», в сб. *Логический анализ языка. Хаос и космос*, М., 2005;

«Язык» и лингвистический материал: что можно подсчитать?» в сб. *Логический анализ языка. Хаос и космос*, М., 2004;

«Библейские этимологии в свете дискурсивного понимания метода», в сб.: Ежегодная конференция общества «Сефер» по преподаванию иудаики в учебных заведениях стран СНГ. Материалы конференции, М., 2002;

The Law by Moses rules the Laws of Language. Linguistic approach *versus* cultural and historical approach to the interpretation problem of the Septuagint text, в сб.: *Hierarchy and Power in the History of Civilizations. Abstracts*. St.-Petersburg, 2002, с. 71-73.

Наука об игре. Античные и когнитивные представления об объекте лингвистики // Сборник «Логический анализ языка», М., 2005;

Смешная лингвистика по Платону. Где же серьезная? // Сб. «Логический анализ языка», М., 2006 (0,5 п.л.)

Кризис предметной модели языка в генеративизме Н.Хомского // *Вестник ПСТГУ*, 2005 (1 п.л.).

“Traditional Literary Jewish Greek. Proposals for the New Descriptive Model”, Proceedings of the VIIth EAJIS (European Association of Jewish Studies) Congress, 2006.

From Relative Words to Universal Acts. The Limit in Studying “Language”. Proceedings of the 39th SLE (Societas Linguistica Europaea) Congress, Bremen, 2006.

Слово в философии языка Людвиг Витгенштейна: между коммуникативным и объективным пониманием // *Вопросы филологии*, 2007, 2 (26).

Витгенштейн: От «кристальной чистоты логики» к «грубой почве» языка // «Вестник» ПСТГУ III:3(9) 2007, 0,8 п.л.

«How To Do Things With Words» Дж. Остина: между логикой и коммуникацией // «Вестник» ПСТГУ III:4(10) 2007, 1,2 п.л.

Особенности повествовательной стратегии в литературных традициях эллинизма и грекоговорящего иудейства (авторы синоптических Евангелий, Иосиф Флавий, Флавий Филострат) // Материалы XVII Ежегодной Богословской конференции ПСТГУ. Т. 1. М., 2007., 0,7 п.л.

Логическое vs коммуникативное представление лингвистического факта: Аристотель и Остин // Юбилейный сборник Шведовой, 1 п.л. 2009

Интерпретируемость предложений «языка» в теореме Х. Патнэма и в естественном коммуникативном процессе // *Концептуальный анализ языка: современные направления исследования. Сборник научных трудов*. М., 2007. 0,8 п.л.

Эксплицитное подлежащее в тексте Еврейской Библии и Септуагинте. Вопрос о достоверности текстов (близости к первоисточнику) // Материалы ежегодной богословской конференции ПСТГУ, 2008, Издательство ПСТГУ. М., 2009. С. 56-58.

Значение современной языковой ситуации для понимания особенностей создания библейского текста: русский и инокультурный опыт // Материалы богословской конференции ПСТГУ, 2009. 0,8 п.л.

«Примышление» и «порождение»: Евномий и каппадокийцы о современных проблемах философии языка // Языковые параметры современной цивилизации. Сборник трудов первой научной конференции памяти Ю.С. Степанова. М.: ИЯз РАН, 2013. С. 314-322

В т.ч. в журналах по списку ВАК:

“Эллинское и иудейское в “Иудейских Древностях” Иосифа Флавия: *dikai-*, то есть □^α□?” // Вестник Древней Истории, 1999. №4. С. 191-204;

Слово в философии языка Л. Витгенштейна: между коммуникативным и объективным пониманием // Вопросы филологии. 2007. № 2. С. 13-20.

Слово как элемент смыслообразования в теории прототипов Дж. Лакоффа и естественном коммуникативном процессе // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007. № 3. С. 5-1;

«How To Do Things With Words» Дж. Остина: между логикой и коммуникацией. Ч. 1 // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 3: Филология. 2008. № 11. С. 103-113. С. 112.

Л. Витгенштейн: от «кристальной чистоты логики» к «грубой почве» языка // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 3: Филология. 2007. № 9. С. 140-152.

О некоторых принципах новозаветной лингвистики: выход есть // Вопросы филологии. 2010. № 3. С. 87-94.

От логического суждения Аристотеля к перформативу Дж. Остина: возвращение к реальности вербальной коммуникации // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2010. № 2. С. 92-96.

Странный «язык» новозаветного корпуса: в поисках аутентичной традиции // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2011. № 1. С. 184-190.

Генетические черты генеративной модели Н. Хомского: коммуникативный взгляд полвека спустя // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2011. Т. 9. № 1. С. 93-101.

Кризис античной модели языка в генеративизме Н. Хомского // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 3: Филология. 2006. № 1. С. 105-122.

Самозначный язык и парадокс лжеца // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 3: Филология. 2006. № 2. С. 183-190.

Проблема лингвистического статуса библейских текстов // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 3: Филология. 2010. № 20. С. 25-41.

Неведомый «язык» новозаветной лингвистики. В поисках источников методологического заблуждения // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 3: Филология. 2010. № 22. С. 87-98.

О стадиях эволюции теоретического объекта «язык» // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 3: Филология. 2011. № 24. С. 67-71.

Концепция Ф. де Соссюра в интерпретации специфики новозаветного текста // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 3: Филология. 2012. № 30. С. 7-25.

Витгенштейн о всеобщем знании: лингвистические и внелингвистические основания // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2011. № 2. С. 115-120.

Коммуникативные актанты книги: идеологизация от коммерции // Политическая лингвистика. 2011. № 1. С. 213-218.

Принцип кооперации Грайса в интерпретации библейского текста // Вестник ПСТГУ. Серия 3: Филология. 2013. № 4. С. 34-43.

Переводы и комментарии:

Иосиф Флавий. Иудейская война. М., 1993. перевод VII книги;

Иосиф Флавий. Против Апиона. перевод, комментарий, вступит. статья, в сб.: Филон Александрийский. Иосиф Флавий. Трактаты. М., 1994;

Евсевий Кесарийский “Против Иерокла”, перевод, вступ. статья, комментарий, “Ладомир”, М., 1999;

«О сотворении мира согласно Моисею» Филона Александрийского, перевод, комментарий, в сб.: *Филон Александрийский. Трактаты*, Греко-латинский кабинет, М., 2001, с. 43-167.

Учебные программы:

Лекционный курс «Грекоязычная иудео-христианская литература», МДА, Сергиев Посад, 2005;

Лекционный курс «История лингвистических учений», М., 2006, ПСТГУ.

История лингвистических учений», ПСТГУ, 2005, 1 п.л.

История грекоязычной иудейской литературы (в связи с Новозаветным корпусом), ПСТГУ, 1 п.л. 2012.